

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЕЕВА (1941–2019)

Международный научно-практический журнал «Вестник МИРБИС» ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>
№ 1 (21)' 2020, DOI: 10.25634/MIRBIS.2020.1

Ссылка для цитирования: Возняк В. С. Сергей Николаевич. Память. Благодарность // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21), с. 222–225.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. ПАМЯТЬ. БЛАГОДАРНОСТЬ

«Мы чтим философа тем, что мыслим. А это требует от нас мыслить все то существенное, что мыслилось его мыслью»². Такие слова Мартина Хайдеггера имеют самое непосредственное отношение к Сергею Николаевичу Марееву.

Еще в студенческие годы я познакомился с трудами Сергея Николаевича. Предпочитая работать в Исторической библиотеке, которая расположена на территории Киево-Печерской Лавры, я имел привычку рыться в каталогах, прерывая подготовку к очередным семинарским занятиям. И вот наткнулся на автореферат кандидатской диссертации, посвященной диалектике логического и исторического в Рукописях 1857–1859 гг. К. Маркса. Сразу бросилось в глаза: научный руководитель — Э. В. Ильенков. А вот это имя мне уже было знакомо. Случайно наткнулся в «Вопросах философии» на его статью «Психика и мозг. Ответ Д. И. Дубровскому» и тут же буквально влюбился в этого автора. Прочитал автореферат С. Н. Мареева, мало что понял, будучи студентом-второго курса. Однако старался не пропускать публикации Сергея Николаевича. В аспирантские годы в Ленинке я прочитал его диссертацию (а также диссертацию «Мышление и деятельность» Г. В. Лобастова) и тщательно законспектировал.

Личная встреча с Сергеем Николаевичем состоялась в Москве в 1988 году на Всесоюзной конференции по философским вопросам образования. Я выступал на секции, где он был руководителем. Недолго, но поговорили. Кстати, именно на этой конференции мне посчастливилось познакомиться и чуть-чуть пообщаться и с Генрихом Степановичем Батищевым, Василием Васильевичем Давыдовым, известными педагогами-новаторами Софьей Лысенковой и Борисом Никитиным.

Следующий раз с Сергеем Николаевичем мы

1 **Возняк Владимир Степанович** — доктор философских наук, профессор кафедры философии. Дрогобычский педагогический университет (Украина).

2 Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990, №7. С. 166.

встретились в Алма-Ате на очередном Всесоюзном совещании по диалектике. Помнится, что после моего выступления он вступил со мной в серьезную и принципиальную полемику (речь шла о большевистской практике). Как мне рассказал мой научный руководитель Валерий Алексеевич Босенко, С. Н. Марееву весьма не понравилось мое выступление, которое, по его мнению, было намного хуже прошлогоднего московского. Однако наши теоретические «нестыковки» отнюдь не помешали нам с Сергеем Николаевичем вдвоём прогуляться по Алма-Ате в поисках книжных магазинов и от души поговорить. Его критика в адрес моего выступления была немногословной, но принципиальной.

Следующая наша встреча состоялась в Киеве на Ильенковских чтениях в «нулевые» годы. Я выступал по педагогическому мышлению, и мои идеи в этот раз Сергей Николаевич встретил откровенно позитивно, кивнув мне из президиума, особенно после моих заключительных слов о том, что педагогический разум пребывает в глубоком летаргическом сне, и надежд на его пробуждение — все меньше.

Две последние наши встречи были в Москве на Ильенковских чтениях, куда я привозил своих студентов-философов.

Все выступления Сергея Николаевича на конференциях отмечены не только отменным теоретическим профессионализмом, но строгостью и ясностью мысли. Да и облик его — всегда подтянутый, собранный — хорошо запоминается.

Почти все книги, написанные С. Н. Мареевым, стоят у меня на полке (благодаря любезности Володи Лазуткина, регулярно привозившего мне в Дрогобыч их из Москвы).

Всё написанное Сергеем Николаевичем — образец высокой диалектики. Особенно привлекает меня лично его критический разбор так называемой «философии науки» как чисто позитивистской конструкции. А ведь сей «предмет» повсеместно читается аспирантам. Когда мне в университете дали несколько минут подумать, какой философский курс предложить аспирантам, я тут же сочинил: «Философия как опыт мышления».

Я убежден, что уход близкого человека должен предельно активировать наше мышление, вводить его в режим собственно Мышления. Поскольку мы здесь вдруг становимся причастны

наибольшей тайне человеческого бытия — тайне присутствия. Ведь недаром же великий Спиноза говорил: «Не плакать, не смеяться, а понимать...».

Душа к нам приходит извне, вернее — не к «нам» собственно, а к нашему телу. И этот факт был схвачен и выражен очень давно. Сказано же в Ветхом Завете: Творец вдохнул душу в первого человека. Значит, наша человеческая душа не является продуктом естественных процессов, происходящих в пределах нашего тела, она приходит к нам сверхъестественным способом. Кстати, согласно Платону, душа до вселения в наше тело пребывала в мире идей, куда она и возвращается после смерти тела. Платон не ошибался: всё обстоит именно так. Если платоновский эйдос — это насыщенное изваяние смысла, умный мир смыслов (А. Ф. Лосев), то мир идей, мир эйдосов является смысловой реальностью, иначе говоря — миром культуры. Именно оттуда и приходит в наше тело та форма, которая делает его по-человечески одушевлённым телом, которая становится его формой, душой собственно.

Мы, люди, смертны, а посему обречены на уход. Обречены на прекращение своего физического бытия, прекращение своего чувственного присутствия в чувственно-предметном мире. Однако наше бытие не ограничивается одним лишь физическим наличием. Наше присутствие — неизменно. Разумеется, еще при жизни мы способны почти до нуля понижать тонус своего присутствия в том, с чем мы связаны и что мы делаем-осуществляем, и тогда мы душевно мертвы. Духовная же смерть нам грозит при лишении себя присутствия в нас того, что безмерно выше нас — Истины, Добра и Красоты. Однако наше физическое отсутствие в этом мире никоим образом не лишает нас присутствия в нем. Мы обречены присутствовать в мире, среди людей и после того, как наши бренные останки опустят в землю.

Здесь уместным будет снова обратиться к концепции «отраженной субъектности» российского психолога В. А. Петровского, согласно которому понятие «отраженной субъектности» воплощает в себе представление о личностном аспекте бытия человека в мире как формы активного идеального присутствия человека в жизни других людей, «продолженности человека в человеке». «Понятие отраженной субъектности в самом общем плане может быть определено как бытие кого-либо в другом и для другого. Смысл выражения «Человек отражен во мне как субъект» означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации, его

готовность осуществить преобразование этой ситуации, внести в нее что-то свое, личное и тем самым произвести изменения в системе моих отношений к миру. Отраженная субъектность есть, таким образом, форма идеальной представленности этого человека в моей жизненной ситуации, выступающая как источник преобразования этой ситуации в значимом для меня направлении. Отражаясь во мне, он выступает как активное деятельностное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня тот или иной личностный смысл. Говоря об идеальной представленности одного человека в другом, мы прежде всего имеем в виду отмеченное обстоятельство: что первый открывается второму как значимое для него существо, как источник нового для него смысла»³. Автор выделяет три генетически преемственные формы проявления отраженной субъектности: во-первых, запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний; во втором случае отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой; в третьем — как претворенный субъект. И вот этот «значимый другой», равно как и «претворенный субъект»⁴ — выступают во мне и для меня активным началом меня самого, и сие предстает эффектом идеальной продолженности одного индивида в другом, и не просто как «продолженность», но и как «авторствование», то есть именно субъектность. Поэтому речь идет об ином бытии одного человека в другом. Таким образом, субъект есть не просто субъект для себя, но и одновременно он является субъектом своего бытия для другого, даже и после своего ухода. Личность никоим образом не исчерпывается определенной суммой своих предикатов. Личность определяется полнотой собственного присутствия в других людях и полнотой и существенностью присутствия других людей в ней самой.

Когда мы обречены уходить, когда мы уходим, мы остаемся не просто в памяти. Если присутствие как таковое является специфически человеческим способом бытия (и оставления в бытии), снимая в себя «есть» вещи и «быть живым» растения и животного (по В. В. Бибихину), то па-

³ Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 18.

⁴ Там же, с. 19.

мять предстает особым способом присутствия. Не местом присутствия (равно как и не «присутственным местом»), а именно способом. Человек не просто сохраняет себя в памяти других, оставляя мир сей, или оставляет о себе некоторую память. Само его живое присутствие — даже и после смерти — и является беспокойством памяти. Присутствие не в памяти, а присутствие как память, память как присутствие, то есть присутствие в нас, в структуре нашей личности, в наших собственных отображениях в других (и в самих себе), в движении наших дел, замыслов, помыслов, отношений, поступков.

Память, как справедливо полагает М. Хайдеггер, означает изначально вовсе не способность к запоминанию. «Это слово именуется целое духа в смысле постоянной внутренней собранности в том, то сущностно обращено ко всякому чувствованию. Память означает изначально то же самое, что молитва, по-миновение (*An-dacht*); неотпускаемое, собранное пребывание при..., а именно, не только в прошлом, но равным образом при настоящем и при том, что может прийти. Прошлое, настоящее, будущее являют себя в единстве всегда собственного присутствия (*An-wesens*)»¹. Стоит и далее вслушаться в размышления М. Хайдеггера: «Поскольку память как собранность души, как молитва, не отпускает то, на чем она собрана, в ней правит не только тяг сущностного при-поминания (*An-denken*) о чем-то, но одновременно также и тяг не отпускающего и не развязывающего <...> удержания. Исходя из памяти и внутри нее, душа изливает в таком случае богатство образов, т. е. тех видов, через которые она сама становится зримой»². «В *Gedanc* как изначальной памяти правит уже то воспоминание (*Gedenken*), которое при-мысливает свое мыслимое к тому, что должно быть осмыслено <...>, т. е. правит благодарность. Мы благодарны (*danken*) за это тем, что мы благодарны (*bedanken*) тому, что мы должны это благодарить (*verdanken*). То, что мы должны благодарить, исходит не от нас. Это нам дано. Многие нам дается в дар, и разного рода. Высшим же и, собственно, охранительным даром остается для нас наша сущность, которой мы одарены таким образом, что лишь из этого дара мы есть те, кто мы есть. Поэтому это приданое мы должны благодарить больше всего и непрестанно»³.

1 Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Перевод с немецкого Э. Сагетдинова. М.: Академический Проект, 2006. С. 160.

2 Там же.

3 Там же, с. 162.

Дар этот непосредственно идет от других людей (следовательно, из культуры, из ее глубин и кристаллизаций этих глубин в классических формах). Непостижимым образом этот дар причастен самому бытию в его целостности.

Мы должны не только горевать за теми, кто ушел из этого мира. Мы должны быть им безмерно благодарны за то, что они были, были с нами и дарили нам счастье своего присутствия. Наш плач по умершему (хотя, как говорил М. К. Мамардашвили, с этого, собственно, и начинается человеческая культура) — это, конечно же, проявление жалости к себе. Нам невозможно без тебя. Даже когда мы в слезах жалеем умершего, мы в конечно счете жалеем самих себя... Чувство жалости должно смениться чувством (и пониманием) благодарности — благодарением за их присутствие... Которое не кончается с физическим уходом.

Дать полную характеристику личности Сергея Николаевича Мареева невозможно, ибо трудно не согласиться с В. А. Петровским: «<...> можно предположить, что если бы мы сумели зафиксировать существенные изменения, которые данный индивид произвел своей реальной предметной деятельностью и общением в других индивидах и в частности в самом себе как “другом”, что формирует в других идеальную представленность первого — его “личность”, то мы получили бы наиболее полную его характеристику именно как личности»⁴.

Относительно же вопроса о бессмертии души можно вспомнить слова Григория Померанца: ведь бытие, которое на миг ощутило себя во мне, бессмертно...

Таким образом, рационально-диалектически понятая категория идеального дает нам возможность осмысливать не только человеческую жизнь, но и смерть. И тогда воскресение может предстать нам во всей своей идеальной реальности (или реальной идеальности), и слова из «Символа веры» («Чаю воскресения мертвых в жизни будущего века») могут приобрести новый эсхатологический смысл, и вполне земной. В «жизни будущего века», в ином, чем теперешний, типе организации человеческого сообщества освоение опыта предшественников в живой форме ставится во главу угла, предстает первоочередной задачей. Не наращивание технологических мощностей эксплуатации природных и человеческих

4 Петровский А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода. Текст электронный // Вопросы психологии (архив 1980–1998) URL: http://voppsy.ru/issues/1981/811/811057.htm#_ftn1

энергий станет предметом забот такого сообщества, а исключительно продолжение развития как мировой субстанции, так и человеческой истории в субъектной форме, в форме личностного самобытия каждого человеческого индивида. И лишь в таком контексте не только возможно, но и предельно необходимо «воскресение мертвых», обращение к опыту ушедших поколений и личностей, предельная активация их присутствия в живой деятельности ассоциированных индивидов, в производстве самой формы общения.

Лишь при таких условиях цивилизация перестанет господствовать над культурой и займёт свое подобающее место — место исключительно средства, некоего «удобства», не более.

Таким образом, душа к нам приходит от людей и к ним же уходит, людям остаётся. Следовательно, если уж и быть по-настоящему озабоченным проблемой спасения души, то следует в первую очередь позаботиться о том содержании, которое мы ежедневно «выдыхаем» в мир, о том, какие следы оставит слово (и дело) наше среди людей. Осмысленность нашего дела и дельность нашего слова — вот субстанциальное основание того, что называется «спасением души».

Хотя, как сказал поэт:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Я убежден, что слово Сергея Николаевича отзывалось и будет отзываться в мире среди людей исключительно добром и одним из непеременимых условий сохранения и развития ума.

Хотя С. Н. Мареев является учеником и последователем Э. В. Ильенкова, в его произведениях содержатся и его собственные, весьма продуктивные, идеи. Но вот недавно наткнулся на такое место у Хайдеггера: «...то глубоко свое, которое есть у мыслителя, не является его собственностью, но остается собственностью бытия, чей бросок (Zuwurf) мышление улавливает в свои наброски (Entwürfe)...»⁵. На сие возразить нечего.

Сергей Николаевич был настоящим человеком. Побольше бы таких, тогда не так тошно будет нам жить в этом обуржуазившемся мире.

18 марта 2020 г.

⁵ Хайдеггер М. Ницше / перевод с немецкого А.П. Шурбелева. Том II. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2007. С. 428.